

Михайловский Николай Константинович

Сочинения Н. К. Михайловского

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Н63

Н63 **Николай Константинович М.**
Сочинения Н. К. Михайловского: Том 1 / Михайловский Николай Константинович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 172 с.

ISBN 978-5-519-96959-8

ISBN 978-5-519-96959-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

переработки, я рѣшилъ не дѣлать никакихъ сколько нибудь существенныхъ измѣненій. Въ настоящемъ изданіи кое-гдѣ измѣнены неудачныя выраженія; устранены полемическіе эпизоды личнаго характера, утратившіе, за давностью, всякій интересъ; нѣкоторыя отдѣльныя главы нѣкоторыхъ ежемѣсячныхъ и еженедѣльныхъ замѣтокъ, имѣющія достаточно однородный и теоретическій характеръ, выдѣлены и печатаются подъ особыми новыми заглавіями. Вотъ и все. Въ виду этого для меня, да и для добросовѣстной критики, очень важно указаніе на время первоначальнаго появленія статей въ печати.

Остановлюсь, въ поясненіе, на двухъ-трехъ примѣрахъ.

Въ статьѣ «Что такое прогрессъ?», написанной въ 1869 г., упоминается книга Спенсера «Соціальная статика», какъ неизвѣстная мнѣ. Это дало поводъ къ нѣкоторымъ страннымъ выходкамъ одного критика въ 1889 г. Но уже въ 1872 г. я съ этимъ сочиненіемъ Спенсера познакомился и напечаталъ объ немъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» статью подъ заглавіемъ «Что такое счастье?» Перепечатывая статью «Что такое прогрессъ?» какъ въ предъидущихъ, такъ и въ настоящемъ изданіи своихъ сочиненій, я могъ бы, конечно, если не ввести въ нее содержаніе статьи «Что такое счастье?», то, по крайней мѣрѣ, устранить указаніе на мое незнаніе съ «Соціальной статикой». Я предпочелъ однако оставить это мѣсто неизмѣненнымъ, ибо въ 1869 г. дѣйствительно не зналъ упомянутого сочиненія Спенсера.

Еще одинъ критикъ утверждалъ, что идеи, изложенныя въ статьѣ «Герои и толпа», я заимствовалъ у Тарда. Въ дѣйствительности же, статья «Герои и толпа» напечатана (въ 1882 г.) за *восемь* лѣтъ до появленія книги Тарда «Les lois de l'imitation» (1890 г.) и, по крайней мѣрѣ, за *два* года до первыхъ набросковъ теоріи Тарда въ «Revue philosophique» (1884 г.). Въ свое время я писалъ и о Тардѣ и могъ бы, опять-таки, вставить свои критическія замѣчанія о немъ, а также и о Сигеле («Преступная толпа»), въ статью «Герои и толпа», но предпочитаю оставить послѣднюю безъ измѣненій, замѣтки же о Тардѣ и Сигеле выдѣлить изъ ежемѣсячныхъ очерковъ «Литература и жизнь» и напечатать подъ особыми новыми заглавіями: «Еще о герояхъ», «Еще о толпѣ».

Вообще, обращая вниманіе на даты, обозначенныя при каждой статьѣ, читатель избавитъ себя отъ ошибки требовать отъ автора того, что онъ физически не могъ принять въ соображеніе. Нѣкоторымъ изъ статей, вошедшихъ въ настоящее изданіе, больше четверти вѣка...

Ник. Михайловскій.

ЧТО ТАКОЕ ПРОГРЕССЪ? *)

ГЕРБЕРТЪ СПЕНСЕРЪ. Собрание сочиненій въ 7-ми томахъ. Изданіе Н. Л. Тиблена.

I.

Одна изъ статей Спенсера, напечатанныхъ въ первомъ томѣ рускаго изданія, «Польза и красота», начинается такимъ замѣчаніемъ Эмерсона: «то, что природа въ одно время производитъ для пользы, она обращаетъ впоследствии въ предметъ украшенія». Въ доказательство этого положенія Эмерсонъ приводитъ устройство морской раковины, у которой «части, служащія одно время вмѣсто рта, въ дальнѣйшемъ періодѣ ея развитія остаются позади и принимаютъ форму красивыхъ бугорковъ». Пользуясь случаемъ, чтобы указать на заключающійся въ положеніи и примѣрѣ Эмерсона объективно-антропоцентрическій пошибъ: природа нѣчто полезное для животнаго, особенность, обезпечившую ему счастливый исходъ изъ борьбы за существованіе, эту особенность природа обращаетъ впоследствии въ нѣчто пріятное для человѣка, красивое съ человѣческой точки зрѣнія; ибо трудно предположить, чтобы Эмерсонъ говорилъ отъ лица «морской раковины», любующейся на свои «красивые бугорки и рубчики». Такимъ образомъ любезность и предупредительность природы къ человѣку доходитъ до того, что она коверкаетъ единственно *pour ses beaux yeux* животное, имѣющее, разумеется, свои собственныя, хотя и неуловимыя для насъ интересы. Спенсеръ не замѣчаетъ этой странной телеологіи, или пропускаетъ ее мимо ушей, можетъ быть потому, что у Эмерсона, съ которымъ мы не знакомы, она составляетъ не болѣе, какъ случайную чертовую мысль, которой онъ самъ не придаетъ особеннаго значенія. Но Спенсеръ находитъ, что это замѣчаніе Эмерсона имѣетъ право на гораздо болѣе широкое приложеніе и можетъ быть распространено и на развитіе человечества. Онъ утверждаетъ, что и въ области явля-

ній общественной жизни происходитъ та же смѣна полезнаго и прекраснаго; что предметъ пользы для одного историческаго періода оказывается предметомъ украшенія для послѣдующихъ. Въ маленькой статейкѣ, развивающей эту мысль, Спенсеръ развертываетъ въ миниатюрѣ всѣ свойства своего соціологическаго мышленія и изложенія, съ которыми мы еще встрѣтимся ниже въ большемъ видѣ. Поставивъ положеніе, Спенсеръ начинаетъ сыпать самыми разнообразными примѣрами, подтверждающими положеніе, и затѣмъ ищетъ рациональнаго основанія для своего эмпирическаго вывода. Надо, впрочемъ, замѣтить, что примѣры, приводимые имъ въ статьѣ «Польза и красота», выбраны гораздо менѣе удачно и расположены гораздо менѣе искусно, чѣмъ это имъ дѣлается обыкновенно. Желаніе втиснуть факты въ заранѣе поставленную рамку ужъ слишкомъ очевидно, въ чемъ автору значительно помогаетъ неопредѣленность его терминологіи: рѣзко разграничивая прекрасное и полезное, онъ не проводитъ, однако, между ними опредѣленной демаркаціонной линіи, и читатель не знаетъ, что собственно Спенсеръ разумѣетъ подъ общимъ именемъ прекраснаго и что—подъ именемъ полезнаго. Это было бы, разумѣется, не бѣда, еслибы дѣло шло о вещахъ общепризнанныхъ, не подлежащихъ спору. Но категоріи прекраснаго и полезнаго слишкомъ часто произвольно суживались и расширялись, и точныя взаимныя отношенія ихъ установились въ сознаніи очень немногихъ. Спенсеръ, къ сожалѣнію, не принадлежитъ къ числу этихъ немногихъ, по крайней мѣрѣ въ статьѣ, о которой идетъ рѣчь. Какъ образецъ, я приведу только одинъ изъ его примѣровъ или, лучше сказать, одну группу примѣровъ. «Глыбы камня, говоритъ онъ, которыя, какъ храмъ, въ рукахъ жрецовъ имѣли нѣкогда правительственное значеніе, стали въ настоящее время служить предметомъ антикварскихъ поисковъ, а сами жрецы одѣ-

*) 1869 г.

Соч. Н. Е. Михайловскаго, т. I.

лись героями оперъ. Изваянія грековъ, которыя за красоту свою сохраняются въ нашихъ художественныхъ музеяхъ и снимки съ которыхъ служатъ украшеніемъ общественныхъ мѣстъ и входовъ въ наши залы, нѣкогда считались за божества, требовавшія повиновенія; подобную же роль играли нѣкогда и тѣ чудовищные идолы, которые теперь забавляютъ посѣтителей нашихъ музеевъ». Вотъ одинъ изъ камней, положенныхъ Спенсеромъ въ основаніе его обобщенія: предметъ пользы для предковъ дѣлается предметомъ украшенія для потомковъ. Нетрудно видѣть, что камень этотъ находится въ положеніи неустойчиваго равновѣсія и легко можетъ способствовать провалу всего зданія. Васъ поражаетъ необыкновенная поверхностность выраженій и неизбежно возникаетъ рядъ вопросовъ: 1) Почему Спенсеръ полагаетъ, что храмы древнихъ имѣли исключительно практическое значеніе? и не были ли они въ тоже время, какъ и въ наше, украшеніемъ данной мѣстности, и не украшались ли они и сами, сообразно эстетическимъ взглядамъ древнихъ, во славу божества и въ поученіе молящихся? 2) Почему «антикварскіе поиски» отнесены къ категоріи красоты, и не предпринимаются ли они большею частью съ полезною цѣлью изученія жизни нашихъ предковъ? 3) Не входила ли идея красоты, какъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ, въ древнія, какъ и въ новыя религіи, а слѣдовательно и въ формы богослуженій, совершаемыхъ жрецами? и не играетъ ли нѣкоторой роли элементъ пользы въ томъ обстоятельстве, что жрецы являются героями оперъ? 4) Всѣ ли греческія статуи создавались на религіозныя темы, и не цѣнили ли греки въ своихъ статуяхъ, даже изображавшихъ божества, не только ихъ религіозное значеніе, а и эстетическое? и не уясняемъ ли мы себѣ иногда по произведеніямъ греческаго искусства греческую жизнь и міросозерцаніе? 5) Равнымъ образомъ не изучаемъ ли мы индусовъ и египтянъ по тѣмъ чудовищнымъ идоламъ, которые стоятъ въ нашихъ музеяхъ? и не потому ли Спенсеръ употребилъ относительно ихъ выраженіе «забавляютъ», что съ областью прекраснаго, съ нашей, современной точки зрѣнія, они не имѣютъ никакой связи, хотя для своего времени и мѣста необходимо представляли нѣкоторый художественно-религіозный идеалъ?—Ясно, что примѣръ Спенсера можетъ быть перевернутъ вверхъ дномъ и послужить весьма полномѣрнымъ подтвержденіемъ обратнаго положенія, именно, что прекрасное для одной эпохи дѣлается полезнымъ для послѣдующихъ. И эта послѣдняя формула, прямо противоположная формулѣ Спенсера, являясь подтверждаемой приведеннымъ примѣромъ, будучи поставлена въ надлежащія границы, представляетъ не гипотезу, но не-

сомнѣнно достовѣрную истину. Мы не можемъ такъ полно наслаждаться греческимъ искусствомъ, какъ наслаждались имъ сами греки, у насъ есть свое искусство, которое намъ дороже и понятнѣе. Но если наше эстетическое пониманіе греческаго искусства необходимо слабѣе такового же пониманія грековъ, то дѣлается существовать историческое, научное значеніе греческаго искусства, какого для грековъ не существовало. Во всякомъ случаѣ примѣръ Спенсера не только не подтверждаетъ его положенія, но показываетъ, что порядокъ, въ которомъ чередуются въ исторіи полезное и прекрасное, подлежитъ закону, по крайнѣй мѣрѣ гораздо болѣе сложному, нежели тотъ, который предлагаетъ англійскій мыслитель. Найдутся скептики, которые будутъ отрицать даже возможность формулированія такого закона, потому что полезное и прекрасное имѣютъ тысячи точекъ соприкосновенія и рѣзкое противопоставленіе ихъ другъ другу возможно только при поверхностномъ взглядѣ. Говорить о вещахъ, составляющихъ «исключительно предметъ пользы», или исключительную область прекраснаго, какъ говоритъ это Спенсеръ,—дѣло слишкомъ рискованное.

Какъ бы то ни было, но въ рядѣ примѣровъ въ родѣ вышеприведенныхъ Спенсеръ находитъ индуктивное доказательство своей формулы. Затѣмъ онъ обращается къ дедуктивному подтвержденію и находитъ его въ слѣдующемъ: «существенное, предварительное условіе всякой красоты есть контрастъ. Для того, чтобы получить художественный эффектъ, свѣтъ долженъ быть располагаемъ рядомъ съ тѣнью, яркіе цвѣта съ мрачными» и т. д. Спенсеръ опять приводитъ рядъ примѣровъ изъ различныхъ сферъ искусства. Этотъ общій принципъ контраста, какъ условія красоты, объясняетъ, по мнѣнію Спенсера, и то, почему полезное прошлаго превращается въ настоящее прекрасное. Мы видѣли, что положеніе о такомъ превращеніи по крайнѣй мѣрѣ односторонне, и потому, стремясь доказать его, Спенсеръ очевидно долженъ былъ еще болѣе запутаться. Мы не намѣрены трактовать объ искусствѣ, о взаимномъ отношеніи полезнаго и прекраснаго; мы слѣдимъ только за логическою нитью аргументаціи Спенсера, и потому, помимо нашихъ личныхъ взглядовъ, примемъ законъ контраста, какъ основной законъ прекраснаго и искусства. Становясь такимъ образомъ на его собственную точку зрѣнія, мы, надѣемся, оказываемся достаточно безпристрастными. Куда же онъ насъ поведетъ? Онъ утверждаетъ, что задача искусства состоитъ исключительно въ воспроизведеніи жизни прошлаго. «По причинѣ своего контраста съ нашимъ настоящимъ образомъ жизни, образъ жизни прошлаго кажется намъ интереснымъ и романтическимъ», а

«вещи и происшествія, влекущія за собой сдѣлание идей, которыя не представляютъ значительнаго контраста съ нашими ежедневными представленіями, являются относительно невыгоднымъ сюжетомъ для искусства». Спенсеръ доказываетъ далѣе, исходя все изъ того же принципа, что живопись не должна передавать «жизнь, дѣла и стремленія своего времени», а обязана обратиться въ историческую. «То, что имѣетъ какое-нибудь практическое назначеніе въ настоящее время, говоритъ онъ, или имѣло такое значеніе въ очень недавнее время, не можетъ получить характера украшения и слѣдовательно не будетъ приложимо къ цѣлямъ искусства». Мы уже не говоримъ о томъ странномъ взглядѣ, который обнаруживаетъ Спенсеръ, говоря объ «украшеніи», какъ о назначеніи искусства. Но положимъ, что это можетъ показаться иному дѣломъ спорнымъ; далѣе Спенсеръ грѣшитъ уже прямо противъ логики. Онъ выказываетъ самую странную поверхностность, утверждая, что искусство *должно* искать контрастовъ въ прошедшемъ: какъ будто ихъ мало въ настоящемъ; какъ-будто на чердакѣ того самого дома, гдѣ живетъ Спенсеръ, ученый и спокойный Спенсеръ, не гдѣздится невѣжество, нищета и назойливая дума о кускѣ хлѣба въ pendant думѣ философа о судьбахъ человѣчества; какъ-будто у всѣхъ сердце бьется также ровно какъ у ученаго и невозмутимаго Спенсера; какъ-будто нѣтъ въ настоящемъ умныхъ людей и дураковъ, негодяевъ и честныхъ людей, людей цивилизованныхъ и коснѣющихъ въ грубости, нѣтъ стона и улыбки, брачнаго ложа и гробовыхъ мастеровъ, свѣта и тѣни, поцѣлуя и оплеухи, звона цѣпей и колокольнаго звона, полиціи и мазуриковъ?.. Съ чего же искусству гоняться за контрастами во времени, когда подъ руками у него неисчерпаемый рудникъ контрастовъ въ пространствѣ? По крайней мѣрѣ, гдѣ основанія въ самомъ спенсеровскомъ законѣ контраста для воспрещенія искусству передавать «жизнь, дѣла и стремленія своего времени»?

Читатель видитъ, что вся аргументація Спенсера не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, и что здѣсь не можетъ быть даже и рѣчи объ опѣнкѣ его теоретическихъ началъ, потому что ихъ логическія подпорки подкапываются сами собой. И еслибы въ выпедшихъ до сихъ поръ по-русски десяти выпускахъ собранія его сочиненій, кромѣ подобныхъ доказательствъ и положеній, не было ничего, то я, разумѣется, не считъ бы нужнымъ говорить объ немъ. Но я собираюсь говорить, и говорить много.

Спенсеръ—имя, не пользующееся особенно громкою извѣстностью, но весьма почтенное. Сочиненія его не переведены ни на одинъ языкъ, кромѣ русскаго; не пользуется онъ, ка-

жется, большою популярностью и на своей родинѣ. Но вотъ мнѣнія объ немъ людей, достаточно компетентныхъ:

„Г. Гербертъ Спенсеръ (въ статьѣ, сперва напечатанной въ *Leade* марта 1852 г. и перепечатанной въ его *Essays* 1858) съ большою силою и ловкостью провелъ параллель между теоріей развитія органическихъ формъ и теоріей отдѣльныхъ твореній. Онъ выводитъ изъ аналогій съ домашними организмами, изъ измѣненій, которымъ подвергаются зародыши многихъ видовъ, изъ трудности отличить разновидности отъ видовъ, изъ общаго начала постепенности, что виды измѣнились, и онъ приписываетъ измѣненіе измѣненнымъ жизненнымъ условіямъ. Тотъ же авторъ (1855) разработалъ психологію на основаніи необходимой постепенности въ приобрѣтеніи каждой умственной силы и способности“ (Ч. Дарвинъ: „О происхожденіи видовъ“).

„Нѣтъ надобности говорить о людяхъ, еще въ наше время придерживающихся старыхъ мнѣній. Но если одинъ изъ самыхъ мощныхъ и отважныхъ дѣятелей, какихъ только произвела до сихъ поръ англійская мысль, челоувѣкъ, исполненный научнаго духа—мистеръ Гербертъ Спенсеръ, и тотъ, во главѣ своей философіи, представляетъ ученіе, что высшій критерій истинности извѣстнаго положенія заключается въ непостижимости его отрицанія“... и т. д. (Дж.-Ст. Милль: „Огюстъ Контъ и позитивизмъ“).

Выписавъ эти отзывы, мы начинаемъ трюсить. До сихъ поръ читатель, слѣдуя за нами, видѣлъ, что Спенсеръ ошибается, ошибается грубо, непростительно; но блескъ мнѣній Дарвина и Милля можетъ ослѣпить его, и на насъ обрушится старый укоръ въ неуваженіи къ авторитетамъ. Но изъ дальнѣйшаго читатель, надѣемся, убѣдится, что мы воздаемъ Кесарево Кесари и Божіе Богови. Прибавимъ еще, что русскій издатель сочиненій Спенсера, г. Тибленъ, считаетъ его «величайшимъ изъ современныхъ мыслителей» и отводитъ ему такое же мѣсто въ рациональной философіи, «какое заняли Дарвинъ въ философіи естествознанія и Бокль въ философіи исторіи». И сомнѣнія не можетъ быть въ томъ, что это не издательская реклама. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько мнѣніе русскаго издателя преувеличено и насколько отзывъ Милля объясняется установившимися въ англійской печати обычаями этикета *), мы должны во всякомъ случаѣ сказать, что Спенсеръ—умъ очень крупнаго калибра; одинъ изъ тѣхъ всеобъемлющихъ синтетическихъ умовъ, которые отъ времени до времени вносятъ духъ

*) Надо, впрочемъ, замѣтить, что слова Милля заимствованы нами изъ той части книги «Огюстъ Контъ и положительная философія» (СПб. 1867), которая редактировалась издателемъ сочиненій Спенсера. Субъективный элементъ сказывается и въ переводѣ, переводчикъ своей личности стереть не можетъ, а потому глубокое уваженіе къ Спенсеру могло подсказать г. Тиблену немного слишкомъ сильные эпитеты для передачи на русскій языкъ словъ Милля.

единства и жизни въ разрозненные факты, добытые нѣсколькими поколѣніями менѣе даровитыхъ и даже совершенно бездарныхъ тружениковъ науки. О широкомъ захватѣ Спенсеровской мысли можно судить уже по однимъ оглавленіямъ двухъ первыхъ томовъ русскаго изданія. Первый томъ заключаетъ въ себѣ статьи: «Прогрессъ, его законъ и причина»; «Философія слога»; «Трансцендентальная фізіологія»; «Происхожденіе и дѣятельность музыки»; «Польза и красота»; «Гипотеза развитія»; «Источники архитектурныхъ типовъ»; «Теорія слезъ и смѣха»; «Граціозность»; «Значеніе очевидности»; «Личная красота»; «Польза антропоморфизма»; «Нравственность и политика желѣзныхъ дорогъ»; «Генезисъ науки»; «Обычаи и приличія»; «Соціальныя организмы». Второй томъ: «Фізіологія смѣха»; «Возбужденіе и воля»; «Торговая нравственность»; «Деньги и банки»; «Этика тюремъ» и т. д. (Второй томъ русскаго изданія еще не приведенъ къ концу). Эти болѣею частью мелкія статьи, въ родѣ нашихъ журнальныхъ, или «научные, политическіе и философскіе опыты» представляютъ болѣе или менѣе законченные отрывки болѣе или менѣе работъ. Изъ остальныхъ вышедшихъ до сихъ поръ по-русски томовъ одинъ («Основные начала») посвященъ разработкѣ, въ позитивномъ смыслѣ, нѣкоторыхъ собственно такъ-называемыхъ метафизическихъ вопросовъ и изложенію закона развитія; другой излагаетъ «Основанія біологіи»; третій занятъ «Нравственнымъ, умственнымъ и физическимъ воспитаніемъ» (сюда же вошли статьи «Гипотеза туманныхъ массъ» и «Нелогическая геологія»). Въ отдѣльной брошюрѣ излагается планъ «Классификаціи наукъ» и «Причины разногласія съ Контомъ». Кромѣ того наконецъ мы ждемъ «Соціальной статики» и «Основаній психологіи». Последнее сочиненіе есть, кажется, лучший трудъ Спенсера.

Изъ этого длиннаго списка видно, что едва ли найдется какая нибудь область знанія, которую бы Спенсеръ обѣжалъ и не затронулъ хоть мимоходомъ. Вопросы о границахъ религіи и науки, о конечныхъ научныхъ и религіозныхъ идеяхъ, вопросы фізіологическіе, педагогическіе, психологическіе, экономическіе, политическіе, геологическіе такъ или иначе вызываютъ его отвѣты, хотя, само собою разумѣется, отвѣты эти далеко не всегда одинаково удачны. Но вездѣ и во всемъ они имѣютъ синтетическій, обобщающій характеръ. Мы не имѣемъ ни времени, ни мѣста и не чувствуемъ себя достаточно сильными для того, чтобы представить читателю опѣнку всѣхъ или даже только главнѣйшихъ выводовъ Спенсера. Мы можемъ только рекомендовать чтеніе Спенсера, какъ особенно пригодное и полезное для нашей публики, весьма мало знакомой съ современною за-

падною философскою мыслью. Спенсеръ позитивистъ, хотя и не принадлежитъ къ школѣ Конта и весьма тщательно и ревниво заявляетъ о своей самостоятельности, до такой степени тщательно и ревниво, что это производитъ даже непріятное впечатлѣніе. Основные начала положительной философіи, — исключительно опытное происхожденіе всѣхъ нашихъ знаній, ихъ относительность, невозможность проникнуть въ сокровенныя сущности вещей, строжайшая законосообразность явленій природы, — эти положенія еще слишкомъ мало переварены даже мыслящею частью нашего общества. И еслибы мы могли и хотѣли представить читателю все плодотворное для него значеніе чтенія сочиненій Спенсера, мы, какъ выражаются на ученыхъ диспутахъ официальные оппоненты, сказали бы гораздо больше, чѣмъ собираемся сказать теперь. Уясненіе основныхъ началъ положительной философіи есть, быть можетъ, въ настоящую минуту одно изъ настоятельнѣйшихъ дѣлъ для русскаго читающаго люда. Но мы предоставляемъ ему знакомиться съ этими началами изъ первыхъ рукъ, такъ-какъ теперь есть для этого кое-какая возможность, благодаря предпріятію г. Тиблена. Начиная съ широкихъ и смѣлыхъ обобщеній въ «Основныхъ началахъ», которые немѣлаютъ автору твердо помнить границу между областями «Познаваемого» и «Непознаваемого», до крошечной, но прелестной, какъ картинка, статейки «Граціозность» (т. I, Опыты), читатель почти въ каждой статьѣ Спенсера найдетъ что-нибудь новое и оригинальное, что-нибудь такое, надъ чѣмъ стоитъ задуматься. Словомъ, мы совѣтуемъ всѣмъ и каждому читать и читать Спенсера, не пугаясь его сжатаго и своеобразнаго языка, къ которому привыкнуть нетрудно.

А теперь обратимся опять пока все къ той же «Пользѣ и красотѣ». Еслибы какой-либо всероссійскій публицистъ торжественно провозгласилъ, что дважды-два стеариновая свѣчка, и въ доказательство привелъ бы таблицу умноженія, въ которой весьма явственно изображено, что дважды-два отнюдь не стеариновая свѣчка, а четыре; еслибы онъ далѣе заявилъ, что чай есть напитокъ пріятный и полезный, а *потому* его слѣдуетъ пить только по утрамъ, или что политическая свобода есть благо, а *потому* только высшіе классы должны ею пользоваться; еслибы всероссійскій публицистъ написалъ или произнесъ что-нибудь въ этомъ родѣ, — то такія странныя умозаключенія допустили бы три различныя объясненія. Во первыхъ, публицистъ могъ сболтнуть рядъ фразъ, не замѣчая, что онъ не клеится между собой; во вторыхъ, публицистъ могъ нагло и злонамѣренно свернуть съ логической дороги по направленію къ какому либо изъ вѣсомыхъ или невѣсомыхъ земныхъ благъ; третьихъ,

публицистъ могъ быть непроходимо тупъ. Ни одно изъ этихъ объясненій не можетъ быть приложено къ ошибкамъ Спенсера: ни въ не-рѣшительности, ни въ тенденціозной наглости и ни въ тупости его заподозрить нельзя. Онъ мыслитель несомнѣнно сильный, осторожный и безпристрастный. А между тѣмъ приведенные промахи столь же несомнѣнно грубы до послѣдней степени, такъ что ихъ замѣтилъ бы самый дюжинный умъ. Можетъ быть, не всякій жалкій писака, взгляды котораго опредѣляются однѣми случайностями и не имѣютъ какого бы то ни было общаго источника и устья, рѣшился бы подписаться подъ такой статьей, какъ «Польза и красота». Потому что это не защита ложнаго принципа, не случайная ошибка въ вычисленіи, не злонамѣренное извращеніе, не небрежное отношеніе къ предмету изслѣдованія, — это просто чисто логическія ошибки, непростительно плохое наведеніе и непростительно плохой силлогизмъ. «Одинъ изъ самыхъ мощныхъ дѣятелей, какихъ до сихъ поръ производила англійская мысль, человѣкъ, исполненный научнаго духа», въ доказательство своего положенія, приводитъ примѣры, опровергающіе его; затѣмъ ставитъ другое положеніе и изъ него дѣлаетъ логически невозможный выводъ. Надъ такимъ фактомъ стоитъ призадуматься и поискать причинъ, которыя отвели мыслителю его обыкновенно зоркіе глаза. Помимо простого, такъ-сказать, психологическаго интереса подобнаго изслѣдованія, надо еще имѣть въ виду поучительность и даже плодотворность грубыхъ ошибокъ сильнаго ума. Намъ приходится на память афоризмъ, кажется, Бэкона: если прыткій человѣкъ хоть немного уклонится отъ настоящей дороги, то въ дальнѣйшемъ слѣдованіи отойдетъ отъ цѣли своего пути гораздо дальше и заблудится гораздо скорѣе, чѣмъ человѣкъ съ черепашинымъ ходомъ. Дѣло, значитъ, возможное, что сильный умъ впадаетъ въ ошибки болѣе грубыя, чѣмъ ошибки какой-нибудь тупицы. И если намъ удастся открыть причины логическаго промаха человѣка недюжиннаго, — въ нравственномъ ли его складѣ, или въ какомъ-либо изъ основныхъ его теоретическихъ положеній, то помимо тѣхъ истинъ, которыя будутъ добыты нами попутно, мы убѣдимся еще, что исходная точка мыслителя, или его пріемъ, вообще найденная фальшивая складка должна завести въ непроходимыя дебри всякаго, хоть будь онъ семи пядей во лбу. И чѣмъ болѣе рѣзкій диссонансъ представляетъ ошибка въ общей гармоніи міросозерцанія мыслителя, то-есть чѣмъ она грубѣе, тѣмъ значитъ глубже лежатъ ея основанія и тѣмъ поучительнѣе будетъ наше изслѣдованіе.

Нѣкоторый намекъ на искомое въ настоящемъ случаѣ объясненіе мы можемъ найти у самого Спенсера, въ его любопытной статьѣ

«Значеніе очевидности». Спенсеръ доказываетъ въ ней, что точное наблюденіе есть дѣло вовсе не такъ легкое и простое, какъ обыкновенно думаютъ; что наблюдателя одинаково сбиваютъ съ толку и присутствіе, и отсутствіе предвзятой мысли или, какъ онъ, а можетъ быть переводчикъ, не совсѣмъ вѣрно выражается, — гипотезы. Эту съ перваго взгляда парадоксальную и безъ должныхъ ограниченій дѣйствительно парадоксальную мысль онъ доказываетъ по обыкновенію примѣрами. — Лѣтъ полтора ста тому назадъ въ Англіи существовало такое повѣрье: плодъ деревьевъ, растущихъ на морскомъ берегу, свѣшивается въ море и черезъ нѣсколько времени превращается въ существа, заключенныя въ раковинахъ и извѣстныя подъ именемъ «уточекъ»; эти уточки усаживаются на погруженныхъ въ море вѣтвяхъ. Но на этомъ не оканчивается метаморфоза, и изъ уточекъ съ теченіемъ времени образуются морскія птицы, такъ-называемыя «уточки-гуси» (*Barnacle-goose*). Эта исторія уточекъ-гусей признавалась не только простонародьемъ, а и натуралистами того времени, и притомъ у послѣднихъ вѣрованіе это «было основано на наблюденіяхъ, которыя были переданы и одобрены величайшими учеными авторитетами и опубликованы съ ихъ распоряженія. Въ статьѣ, помѣщенной въ «*Philosophical Transactions*» сэръ Робертъ Морей, описывая этихъ уточекъ, говоритъ: «Въ каждой раковинѣ, которую я вскрывалъ, я находилъ совершенно морскую птицу: маленькій носъ, подобный носу гуся, обозначенные глаза, голову, шею, грудь, крылья, хвостъ и сформировавшіяся ноги, перья, вездѣ совершенно образовавшіяся и темноватаго цвѣта, и ноги, подобныя ногамъ морскихъ птицъ». Теперь эти уточки смиренно сидятъ на одной изъ низшихъ ступеней зоологической лѣстницы, и Спенсеръ находитъ, что и представить себѣ нельзя, что такое Морей могъ принять въ ихъ организаціи за голову, крылья и т. д. морской птицы; нѣтъ даже намекъ на самое отдаленное сходство. А между тѣмъ Морей наблюдалъ и видѣлъ все это своими собственными глазами. Въ 1862 г., въ Милъбургѣ была издана книга «*Meamtorphosis naturalis*», особенно любопытная потому, что въ ней впервые была сдѣлана попытка подробно описать метаморфозы насѣкомыхъ. Къ книгѣ приложены таблицы съ изображеніемъ послѣдовательныхъ степеней развитія насѣкомыхъ, то-есть личинокъ, куколокъ и окончательно развитыхъ насѣкомыхъ. Куколки нашихъ бабочекъ имѣютъ обыкновенно на переднемъ концѣ нѣсколько острыхъ возвышеній, расположенныхъ совершенно неправильно. «Несмотря на то, говоритъ Спенсеръ, въ таблицахъ этого «*Metamorphosis naturalis*» каждая куколка имѣетъ столь измѣненныя возвышенія, что представляется

смѣшная человѣческая голова, и каждому виду приданы различные профили. Вѣрилъ ли художникъ въ метемпсихозу и думалъ найти въ куколкахъ преобразившееся человѣчество, или былъ увлеченъ ложной аналогіей, которую такъ усиленно проводилъ Ботлеръ между переходомъ отъ куколки къ бабочкѣ и отъ смертности къ безсмертію, и поэтому замѣчалъ въ куколкѣ типъ человѣка,—неизвѣстно. Но мы видимъ здѣсь фактъ, что подъ вліяніемъ того или другого предвзятаго мнѣнія онъ сдѣлалъ свои рисунки совершенно отличными отъ дѣйствительныхъ формъ. Онъ не только думаетъ, что это сходство существуетъ, не только говорить, что можетъ видѣть его: предвзятое мнѣніе такъ овладѣваетъ имъ, что руководить его кистью и заставляетъ воспроизводить изображенія, до крайней степени непохожія на дѣйствительныя». Далѣе Спенсеръ приводитъ тотъ фактъ, что два наблюдателя, исповѣдующіе различныя теоріи, смотря на одинъ и тотъ же предметъ, въ одинъ и тотъ же микроскопъ, описываютъ обыкновенно предметъ не одинаково.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ поразительно ложная передача фактовъ самыми изощренными органами чувствъ обуславливается присутствіемъ ложнаго предвзятаго мнѣнія. Но и отсутствіе всякаго предвзятаго мнѣнія столь же невыгодно отзывается на результатахъ наблюденія. Изъ примѣровъ заблужденій этого рода, приводимыхъ Спенсеромъ, мы остановимся только на одномъ, изъ его собственного опыта. На дѣтскихъ рисункахъ Спенсера тѣнь какого-нибудь предмета изображалась всегда черною. Молодой рисовальщикъ видалъ на своемъ небольшомъ вѣку, разумѣется, множество тѣней, и такъ какъ онъ не имѣлъ на этотъ счетъ никакихъ заранее установленныхъ мнѣній, а въ большинствѣ видѣнныхъ имъ случаевъ тѣнь приближалась къ черному цвѣту, то глазъ его неспособенъ былъ различить противоположные случаи. Такъ дѣло шло до восемнадцати лѣтъ. Тутъ Спенсеръ встрѣтился съ однимъ артистомъ-диллетантомъ, который сталъ ему доказывать, что тѣнь бываетъ не чернаго, а нейтральнаго цвѣта. Молодой человѣкъ спорилъ, приводилъ въ доказательство свое собственное наблюденіе, но наконецъ долженъ былъ сдаться. Тутъ только глаза его прочистились, и онъ убѣдился, что до сихъ поръ органъ зрѣнія обманывалъ его, догадывая, что тѣнь всегда черная; онъ увидѣлъ, что она бываетъ весьма часто цвѣтная. Прошло нѣсколько времени, и чтеніе популярнаго сочиненія по оптикѣ навело его на раздумье о причинахъ цвѣтныхъ тѣней. И когда, вслѣдствіе этого, у него составилось определенное понятіе о тѣняхъ, глаза его стали очень явственно различать оттѣнки ихъ. Понявъ, что цвѣтъ тѣни зависитъ отъ цвѣта всѣхъ окру-

жающихъ предметовъ, способныхъ испускать лучи и отражать свѣтъ, онъ увидѣлъ очень ясно, что, напримѣръ, въ лунную ночь, возлѣ газоваго фонаря, карандашъ, помѣщенный перпендикулярно къ листу бумаги, дастъ двѣ тѣни: пурпурно-голубую и желто-сѣрую, производимыя отдѣльно горящимъ газомъ и луной. До тѣхъ поръ, пока онъ не узналъ изъ теоріи, что такъ должно быть, и приступалъ къ наблюденію безъ всякаго предвзятаго мнѣнія, онъ не замѣчалъ подобныхъ явленій. Такимъ образомъ, относительно самаго обыденнаго явленія онъ имѣлъ послѣдовательно три убѣжденія, изъ которыхъ каждое основывалось на наблюденіи. «Безъ помощи первой гипотезы, говорить онъ, я вѣроятно остался бы при общемъ убѣжденіи, что тѣни черны. Безъ помощи другой я оставался бы вѣроятно при убѣжденіи, на половину истинномъ, что онѣ нейтральнаго цвѣта». Изъ этого Спенсеръ и заключаетъ, что и присутствіе, и отсутствіе предвзятаго мнѣнія невыгодно вліяютъ на точность наблюденія: въ первомъ случаѣ наблюдатель невольно поддается своей затанной мысли и видитъ вещи не такими, каковы онѣ дѣйствительно, а во второмъ—упускаетъ изъ виду многое, существенно важное въ наблюдаемомъ явленіи. Гдѣ же исходъ изъ этой дилеммы? «Всѣ наблюденія, исключая тѣхъ, которыя производятся подъ вліяніемъ уже установленныхъ истинныхъ теорій, рискуютъ оказаться извращенными или неполными». Въ концѣ концовъ мы, значитъ, все-таки отброшены къ предвзятому мнѣнію, съ тѣмъ, однако, важнымъ условіемъ, чтобы мнѣніе это имѣло за себя извѣстныя, полновѣсныя гарантіи. Оно должно вытекать изъ нѣкоторой прежней, проверенной и вполне истинной оцѣнки извѣстной группы явленій. Всматриваясь въ послѣдній изъ приведенныхъ нами примѣровъ Спенсера, не трудно видѣть, что онъ весьма мало годится въ примѣры заблужденія отъ отсутствія предвзятаго мнѣнія. Молодой Спенсеръ не замѣчалъ цвѣтныхъ тѣней, очевидно, не потому, чтобы онъ не имѣлъ относительно этого какихъ бы то ни было убѣжденій, а напротивъ—въ силу ложнаго убѣжденія, что всѣ тѣни черны; онъ слѣдовательно все-таки приступалъ къ наблюденію съ предвзятымъ мнѣніемъ, а не безъ него. То же самое относится и ко всѣмъ приводимымъ имъ примѣрамъ этого рода. Да и едва-ли можно подыскивать примѣры заблужденія отъ отсутствія предвзятаго мнѣнія, потому что самое отсутствіе это немислимо. Человѣкъ всегда приступаетъ къ изслѣдованію съ предвзятымъ мнѣніемъ и, смотря по качеству послѣдняго, доходитъ то до гениальнаго открытія, то до невозобразимой неистинности. Если читатель не согласится съ этимъ, то только потому, что въ умѣ его съ выраженіемъ «предвзятое мнѣніе» ассоцииро-

валось представлѣніе о чемъ-то несостоятельномъ и неизбѣжно ложномъ, что, разумѣется, невѣрно. Предвзятое мнѣніе обуславливается двумя элементами: во первыхъ, запасомъ предъидущаго, безсознательно или сознательно пріобрѣтеннаго опыта и, во вторыхъ, высокимъ нравственнымъ уровнемъ изслѣдователя. И если этотъ нравственный уровень достаточно высокъ, а предварительная умственная работа была достаточно сильна, то нѣтъ причины опасаться за состоятельность предвзятаго мнѣнія. Бэконъ наивно-грубо и, принимая въ соображеніе его личныя качества, даже нѣсколько безсовѣстно говорить: «если мужъ зрѣлаго возраста, *неподкупныхъ чувствъ*, просвѣщенной души, обратитъ свой умъ на опытъ и частности, то отъ него можно будетъ ожидать многого». (Лпихъ: «Фр. Бэконъ Веруламскій и методъ естествознанія»). Вы натуралистъ. Передъ вами развертывается безконечная цѣпь явленій природы, но вы останавливаетесь на одномъ изъ звеньевъ этой цѣпи и тѣмъ самымъ задаете себѣ извѣстный частный вопросъ. Почему вы остановились именно передъ такимъ фактомъ, а не передъ другимъ, и задали себѣ именно этотъ вопросъ, а не тотъ? Потому что накопленный вами до этого момента опытъ позволяетъ вамъ предугадать отвѣтъ, и существованіе предвзятаго мнѣнія сказывается уже въ томъ простомъ обстоятельстве, что вы обратили вниманіе на явленіе. «Даже въ наукѣ чисто опытной—говоритъ Милль (Система логики)—необходимо поводъ произвести одинъ опытъ предпочтительно передъ другимъ. Отвлеченно пожалуй всѣ произведенные опыты *могли бы* быть сдѣланы по одному побужденію узнать, что именно случится въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, безъ всякаго предварительнаго предположенія относительно результата. Но на дѣлѣ эти неочевидныя, тонкіе и часто затруднительныя и скучныя процессы опыта, бросающіе наибольшій свѣтъ на общій складъ природы, едва ли были бы предприняты тѣми лицами, которые ихъ исполнили, или въ то время, когда они ихъ исполнили, еслибы не казалось, что отъ этихъ опытовъ зависитъ то, будетъ-ли принята или нѣтъ какая-либо общая теорія, предложенная, но еще не доказанная». Человѣкъ находитъ только то, что ищетъ, и еслибы можно было предположить, что люди ничего не ищутъ, то они ничего и не нашли бы. Если человѣкъ аккуратно ведетъ свою умственную приходо-расходную книгу, если онъ угадалъ, что запасъ его знаній достаточенъ для отвѣта на заданный имъ себѣ вопросъ,—онъ побѣдилъ; если его прежнія знанія ошибочны или ихъ недостаточно,—онъ побѣжденъ. Такъ побѣждены были метафизическія теоріи, гонявшіяся за невозможнымъ, задававшія себѣ такіе вопросы, на которые для человѣка

нѣтъ отвѣта. Такъ побѣждены были Морей и авторъ «*Metamorphosis naturalis*», приступавшіе къ наблюденію съ предвзятымъ мнѣніемъ, основаннымъ на недостаточномъ знаніи. Такъ изъ двухъ микроскопистовъ, наблюдающихъ одно и то же явленіе, но придерживающихся различныхъ теорій, побѣжденъ по крайней мѣрѣ одинъ, а можетъ быть и оба. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, побѣда зависитъ не столько отъ обширности знаній, сколько отъ особенныхъ качествъ ума изслѣдователя. Что же касается до второго элемента предвзятаго мнѣнія, т.-е. до нравственного уровня, то не столь очевидный въ естествознаніи, онъ даетъ себя особенно чувствовать въ социологіи. Такъ какъ здѣсь мы имѣемъ дѣло не только съ необходимымъ, но и съ желательнымъ, то въ поставляемыхъ нами себѣ цѣляхъ предвзятое мнѣніе необходимо осложняется нравственнымъ элементомъ. Кромѣ истинности, достаточной для естествоиспытателя, предвзятое мнѣніе социолога должно отразить въ себѣ его идеалъ справедливости и нравственности, и, смотря по высотѣ этого идеала, онъ болѣе или менѣе приблизится къ пониманію смысла явленій общественной жизни. Едва только естествоиспытатель намѣтилъ явленіе, желая подвергнуть его наблюденію, воображеніе его уже комбинируетъ усвоенныя имъ предварительно данныя съ подлежащимъ изслѣдованію фактомъ, и онъ приступаетъ къ наблюденію съ готовымъ уже въ общихъ чертахъ рѣшеніемъ. Если предварительно усвоенныя данныя стоятъ прочно, то и рѣшеніе его вѣрно; если нѣтъ—онъ находитъ птицу въ раковинѣ и человѣческое лицо на куколкѣ бабочки. Но для социолога этого мало. Морей, добросовѣстно наблюдая «уточекъ», вслѣдствіе ложнаго предвзятаго мнѣнія, видѣлъ въ нихъ птицъ. Славянофилъ, положимъ, тоже добросовѣстно изучая до-петровскую Россію, вслѣдствіе не менѣе ложнаго предвзятаго мнѣнія, не видитъ въ ней тѣневыхъ сторонъ. Морей могли бы помочь только здравыя понятія о взаимной зависимости естественныхъ фактовъ. Славянофилы могли бы спасти отъ заблужденія не только трезвые взгляды на взаимную связь историческихъ явленій, но и общественный идеалъ болѣе высокій, нежели состояніе до-петровской Руси, а для выработки такого идеала требуется извѣстный нравственный уровень. Объ этомъ, впрочемъ, еще рѣчь впереди, а здѣсь съ насъ довольно того факта, что предвзятое мнѣніе неизбѣжно играетъ весьма значительную роль въ нашихъ изслѣдованіяхъ, какъ бы мы безпристрастны ни были. Сѣтовать на это нечего, во первыхъ, уже потому, что это неизбѣжно, а во вторыхъ, потому, что если предвзятое мнѣніе ведетъ, весьма часто къ неполнымъ и ошибочнымъ наблюденіямъ и умозаключеніямъ, то имъ же обуслов-

ливается и дальнѣйшее движеніе науки впередъ. Отказаться отъ предвзятаго мнѣнія, значитъ отказаться отъ всего своего умственного и нравственного капитала, что и невозможно, и было бы невыгодно, если даже допустить возможность такого самоотреченія. Нужно только имѣть въ виду, что предвзятое мнѣніе должно, какъ говоритъ Спенсеръ, вытекать изъ установившихся и истинныхъ теорій.

Возвращаясь опять къ вышеприведеннымъ ошибкамъ Спенсера, мы видимъ, что онъ не менѣе грубы, чѣмъ ошибки Морея и автора «*Metamorphosis naturalis*», хотя первыя касаются не непосредственныхъ наблюдений. Морей наблюдалъ усконогихъ подѣ влияніемъ народнаго повѣрья, и напелъ нѣчто невозможное. Но народное повѣрье составляло только ближайшую причину его заблужденія, и онъ не поддался бы ему, еслибы не думалъ, что странная метаморфоза усконогаго въ птицу возможна; доступный ему кругъ фактовъ не опровергалъ этой возможности, и онъ поддался влиянію народнаго предразсудка. Точно также и Спенсеръ. Онъ разсуждаетъ о полезномъ и прекрасномъ и о задачахъ искусства съ заранее готовымъ рѣшеніемъ, что въ историческомъ порядкѣ прекрасное слѣдуетъ за полезнымъ, и что искусство не должно изображать жизнь и стремленія настоящаго времени. Если онъ при этомъ видитъ въ усконогомъ птицу, то, принимая въ соображеніе обычную силу его мысли, мы должны придти къ заключенію, что два указанныхъ предвзятыя мнѣнія примыкаютъ къ нѣкоторому болѣе основному заблужденію, лежащему въ самомъ корнѣ его міросозерцанія. Обстричь вѣтви дерева—штука нехитрая, и ужъ во всякомъ случаѣ отъ Спенсера мы могли бы этого ожидать. Другое дѣло срубить самое дерево. Поэтому, какъ въ заблужденіи Морея насъ въ особенности долженъ интересовать вопросъ: какимъ образомъ ученый могъ поддаться влиянію народнаго предразсудка?—такъ и относительно ошибокъ Спенсера главнымъ образомъ любопытно знать: почему въ умѣ его установилось мнѣніе о томъ, что искусство должно передавать только жизнь прошлаго, и установилось до такой степени прочно, что мѣшаетъ ему отличить птицу отъ усконогаго. Словомъ, мы должны предположить, что карточный домикъ «Полезны и красоты» есть только пристройка къ нѣкоторому не менѣе карточному, но болѣе обширному домику.

Этотъ обширный и карточный домикъ есть социологическая теорія Спенсера, и на ней-то мы и остановимся. Мы займемся собственно только однимъ обобщеніемъ Спенсера, но обобщеніемъ весьма широкимъ, захватывающимъ наиболѣе дорогія для человѣка вѣрованія и убѣжденія,—подведеніемъ подѣ одинъ и тотъ же масштабъ законовъ явленій природы и

общественной жизни. Надо, впрочемъ, замѣтить, что аналогія между организмомъ естественнымъ и социальнымъ, между развитіемъ органическимъ и общественнымъ прогрессомъ составляетъ одинъ изъ пунктовъ, наиболѣе интересующихъ Спенсера. Онъ возвращается къ ней при всякомъ удобномъ случаѣ не только почти во всѣхъ своихъ мелкихъ статьяхъ, но и въ «Основныхъ началахъ», и въ «Основаніяхъ біологіи», и въ опытѣ о воспитаніи, и на этой же идеѣ построена, безъ всякаго сомнѣнія, его «Соціальная статика», въ русскомъ переводѣ еще не существующая. Законы социальнаго прогресса составляютъ для него не болѣе, какъ частный случай общихъ, трансцендентныхъ законовъ развитія вообще, а потому читатель можетъ получить изъ нашей статьи понятіе не только о возрѣніяхъ Спенсера на частный вопросъ первостепенной важности, но и объ одной изъ самыхъ любимыхъ общихъ идей его. Считаемъ, однако, нужнымъ замѣтить, что социологическая теорія Спенсера есть Ахиллесова пятка его философіи, и каковъ бы ни былъ результатъ, къ которому мы придемъ, онъ отнюдь не долженъ быть распространенъ на всѣ выводы Спенсера. Ахиллесова же пятка эта требуетъ въ настоящемъ случаѣ весьма тщательнаго обслѣдованія, потому что нѣкоторыя особенности мышленія и изложенія Спенсера могутъ скрыть отъ читателя несостоятельность его возрѣній на задачи социологіи и его способовъ рѣшенія ихъ.

Спенсеръ излагаетъ свои мысли въ высшей степени спокойно и безстрастно, обставляетъ ихъ множествомъ примѣровъ изъ самыхъ разнообразныхъ отраслей науки и жизни, причемъ обнаруживаетъ огромныя свѣдѣнія и располагаетъ свои примѣры чрезвычайно искусно. Эти-то свойства его аргументаціи дѣлаютъ ее чрезвычайно опасною, и въ особенности для насъ, русскихъ. Спенсеръ трактуетъ объ общественныхъ вопросахъ совершенно также безстрастно, какъ о гипотезѣ туманныхъ массъ или о фазахъ развитія гидры. Мы къ этому не привыкли. Мы, къ счастью или къ несчастію, не доросли до объективнаго отношенія къ фактамъ общественной жизни, и субъективная точка зрѣнія сквозитъ въ каждой строкѣ, какъ нашихъ собственныхъ политическихъ писателей, такъ и большей части тѣхъ иностранныхъ авторовъ, съ которыми мы до сихъ поръ знакомились. Поэтому, встрѣчаясь съ спокойнымъ мыслителемъ, ищущимъ одной только голы и объективной истины, очевидно не подкапывающимся подѣ чьи бы то ни было интересы, мы можемъ либо просто отвергнуться отъ добытыхъ имъ, непріятныхъ для насъ истинъ, или же слѣпо увлечься ихъ истинностью. И то, и другое, разумѣется, прискорбно. Мы и безъ